

становятся универсалистическими. И впервые с мучительной ясностью человек ощутил всеподавляющую и всераз'единяющую решетку пространственно-временной ограниченности и конечности. Отсюда титанический дух преодоления пространства и времени, дух овладевающего миром демидургического прометеевского мирозерцания; отсюда возможность осознания Истории, как пути организации мира, как осуществляющейся в ней Абсолютной Гармонии и Всеединства.

Наступающая новая эпоха знаменует величайший конфликт конечного и бесконечного, частного и общего и, следовательно, индивидуального и универсального, ибо никогда жизнь не достигала таких грандиозных, подлинно планетарных масштабов и устремлений, как в наше время. И основное, что несомненно в этом назревающем великом конфликте — это неудержимое всепроникновение, победа и торжество именно начал общего, универсального и бесконечного, начал нового, высшего героического сознания, утверждающего их примат.

Новый человек, рождающийся на этих, подлинно вселенских подмостках нового строящегося существования, имеющих пределом своих взаимоотношений весь мир — будет поэтому универсалистом по самому существу своему. Он впервые принесет реальное сознание тождества мира и своего «я», тождества в гармоническом единстве своей судьбы и судьбы Целого. Исполненный пафоса Общего и Всего, он в замысле своего творческого устремления сплотит и мобилизует все стремления бытия. Не убогая индивидуальная «любовь к ближнему» его будет вдохновлять, а универсальная любовь, обнимающая весь мир, все утверждающая и во всем утверждающая его.

П. Боранецкий.

Идеология классового шкурничества

Новое учение лишь тогда имеет право на власть над жизнью и лишь тогда оно может ею овладеть, когда оно несет новый, высший принцип долга и любви, служения и жертвенности. Лишенное этих высших, идеалистических достоинств, новое учение не только не должно быть принято жизнью, но и не имеет шансов органически и на длительный срок ею овладеть.

Социализм же, — по крайней мере в его господствующей марксистской транскрипции, — построен, в конце концов, на одном голлом эгоизме и представляет один голлый эгоизм, — эгоизм, при том, грубого материального свойства. В этом отношении уже выше его националистический эгоизм, ибо нация — в противоположность социально-экономической, материалистической категории класса, есть идеалистическая, культурно-историческая категория.

Но этого мало. Эгоизм, на котором построен марксизм, особого порядка. «Пролетариат» не только борется за свои лишь грубо материальные, классово-эгоистические интересы, он еще убедил себя и хочет убедить и других, что подчинение всех других классов служению его эгоистическим интересам и есть служение высшим интересам. Так что все другие группы общества, в частности, крестьянство и интеллигенция, не просто должны быть с'едены им, но будучи поедаемы, должны еще благословлять и превозносить поедающего их «избранного» класса.

В действительности же, выступая с идеей не объединяющей, а раз'единяющей общество, несущей не принцип долга и любви, а принцип эгоизма и ненависти, марксизм, естественно, мобилизует и все другие эгоизмы, эгоизмы всех других общественных групп, которые не только не хотят быть с энтузиазмом и благодарностью с'едены, но и сами хотят есть. В результате такого взрыва всех и всяческих эгоизмов, который во славу Марксовой теории классовой борьбы вызывает этот «избранный» класс, — выход может быть лишь один: поднять знамя «общего», «национального» интереса, противопоставив его всеразвязавшимся групповым интересам. А это и есть ничто иное, как «фашизм». Следовательно, фашизм есть есте-

ственный вывод из марксизма, поскольку последний выступает открыто и революционно (в форме коммунизма) с претензией на исключительность прав — социальных и политических — одного класса.

Тем самым, в фашизме марксизм (революционный) вызывает своего собственного могильщика. Вот почему сейчас, кажется, никто не боится больше «побед» революционного марксизма, т.е. коммунизма, чем сами коммунисты.

Так из эгоизма исходя и служа эгоизму, это учение вместо преобразования общественной и человеческой стихии, развязывает и мобилизует все частные антиобщественные эгоизмы. Когда то социализм сравнивали с христианством. Но христианство учит жертвенности и любви, а не ненависти и эгоизму. Как было сказано, христианство учит: отдай свое, социализм же учит: возьми чужое. И потому христианство могло просуществовать почти две тысячи лет, а социализм состарился, прежде чем успел созреть.

Как видим, жизнь, все же, в конце концов, устроена мудро и благостно, и она наделяет вечностью лишь то, что достойно вечности. Ничтожное и низменное и обречено на ничтожество.

К. Чернецкий.

Миф о человеке

Некоторые из наших противников пытаются третируют нашу идеологию, называя ее «утопией». Но известно, что почти все новые идеи, когда они появлялись, объявляли утопиями, — и не только их противники. Однако, проходило время, и эти «утопии» становились общепризнанными истинами, во всяком случае приобретали то или иное реальное значение. Давно ли еще к социализму относились, как к утопии, а теперь уже никто не станет отрицать того огромного влияния, которое он оказал на общее историческое развитие. В тоже время с другой стороны, когда новую идею ее противники обзывают «утопией», то это зато, во всяком случае, означает, что она действительно есть нечто «новое», не укладывающееся в общепринятые понятия и представления. «Быть великим, — говорил Эмерсон, — значит быть непонятым или ложно понятым». В том же духе можно сказать, что быть действительно новой и значительной идеей, значит казаться утопической идеей. Для обычного сознания реальное и общепринятое, твердо установившееся — почти тождественные понятия. «Утопия» это обычно то, чего, всегда преобладающий, филистер не может вместить в своей мозговой шкатулке, что выходит из ее убогих подразделений и — что еще хуже — ломает их. Тогда такая «утопия» объявляется опасным заблуждением, ересью и против нее в той или иной форме воздвигается гонение, — хотя бы в форме скрежещущего зубами «замалчивания».

Ведь в глазах такого филистера и Колумб был только авантюристом, так сказать, утопистом действия, — пока его «авантюризм» не завершился «успехом». Успех — единственное настоящее свидетельство в глазах филистера состоятельности и «жизненности» того или иного замысла и предприятия. И так как «успех», обычно, приходит лишь «потом», часто очень поздно, то самые великие замыслы и находения долго оставались филистерами «непризнанными», филистерами даже с очень высоким общественным и культурным положением. Больше того, эти последние как раз часто — самая злостная и общественно опасная разновидность филистерства. Вспомним десятки биографий великих ученых, искателей, новаторов и изобретателей, которые долго оставались «непризнанными» и гонимыми именно этой категорией филистерства. К тому же, светочами, водителями и обновителями человечества являются обычно как раз такие лица, у которых нет тех данных «ученности», академических чинов, обществ. положения и пр., которые только и могут имплонировать этому роду высокопоставленных ничтожеств.

А между тем, именно около таких «изобретателей» новых ценностей, — как говорил Ницше, — вращается свет». «Люди факта, —